

На правах рукописи

Тихомирова Александра Васильевна

**АССОЦИАТИВНО-ДЕРИВАЦИОННАЯ
И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2013

Работа выполнена в ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», на кафедре русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук и искусств.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Березович Елена Львовна

Официальные
оппоненты: **Белякова Светлана Михайловна**
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Тюменский
государственный университет», профессор
кафедры общего языкознания

Осипова Ксения Викторовна
кандидат филологических наук, МБОУ
ВПО «Екатеринбургская академия
современного искусства» (институт),
доцент кафедры лингвистики и
межкультурных коммуникаций

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
национальный исследовательский
университет»

Защита состоится 29 ноября 2013 г. в «11» час. на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Автореферат разослан «__» октября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одежда – неотъемлемая часть быта человека, она составляет одну из наиболее важных сфер материальной культуры, выделяет людей из мира природы, является атрибутом цивилизации, показателем «вписанности» человека в систему общественных связей, может указывать на пол, возраст, социальное положение, конфессиональную принадлежность и др. Культурная значимость одежды находит отражение и в языковых фактах – во внутренней форме наименований элементов костюма, в их значениях, текстовых функциях, системе словообразовательных и семантических дериватов на их основе, фразеологизмах с их участием. В настоящей работе будут изучаться семантические дериваты от русских названий одежды и фразеологические единицы, включающие такие названия. Это позволит проследить, какие компоненты семантики оказываются востребованными при дальнейшем смысловом развитии изучаемых слов, а следовательно, особенно значимы для наивного сознания носителей языка.

Такая постановка вопроса позволяет отнести данную диссертацию к компетенции этнолингвистики – науки, считающей своей задачей изучение единиц языка в их соотношении с культурой – в первую очередь, традиционной. Среди ученых-этнолингвистов можно назвать таких исследователей, как Т. А. Агапкина, Н. П. Антропов, Е. Бартминьский, О. В. Белова, С. М. Белякова, Е. Л. Березович, Н. В. Большакова, Т. Н. Бунчук, Т. В. Володина, А. В. Гура, М. В. Жуйкова, А. Ф. Журавлев, Г. И. Кабакова, И. Б. Качинская, Н. И. Коновалова, Т. В. Махрачева, Д. Младенова, А. Б. Мороз, И. А. Морозов, С. Е. Никитина, А. А. Плотникова, И. А. Подюков, И. И. Русинова, М. Э. Рут, И. А. Седакова, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, А. Т. Хроленко, О. А. Черепанова, А. В. Юдин, Е. И. Якушкина и др. Среди школ и направлений этнолингвистики, различающихся методикой анализа, выбором материала и т. п., можно выделить Уральскую этнолингвистическую школу, представители которой осуществляют семантико-мотивационный анализ русской диалектной лексики и ономастики (на славянском фоне), на основании чего производится реконструкция фрагментов народной картины мира, ср. исследования О. В. Атрошенко, Е. Л. Березович, К. С. Верхотуровой, Ю. Б. Воронцовой, М. А. Ереминой, Ю. А. Кривошаповой, Т. В. Леонтьевой, К. В. Пьянковой, И. В. Родионовой, М. Э. Рут, Л. А. Феоктистовой, Е. В. Шабалиной и др. К этому направлению принадлежит и данное диссертационное сочинение.

Объект исследования – лексемы русских народных говоров и общенародного языка, представляющие собой факты семантической и

семантико-словообразовательной деривации, возникшие на основе названий одежды, обуви и головных уборов и их частей, а также фразеологизмы, в состав которых входят эти наименования.

Таким образом, изучаются, во-первых, цельнооформленные единицы (например, арх. *шуба* 'на условном языке рыбаков: богатый улов', новг. *сарафанник* 'парень, которого заставили жениться на опозоренной им девушке', литер. разг. *околпачить* 'обмануть, одурачить'), которые связаны ассоциативно-деривационными отношениями (термин Д. Н. Шмелева) с производящими основами, называющими элементы костюма. Во-вторых, рассматриваются устойчивые сочетания (простореч. *шапка с заломом* 'о самонадеянном, заносчивом человеке', новг. *переодеть из сапог в лапти* 'обмануть, обобрать кого-либо', пск. *ходить как онуча* 'о глуповатой, недалекой женщине'), в составе которых обозначения одежды могут выступать как в переносном, так и в прямом значении, – но даже в последнем случае происходит определенная смысловая перестройка, какие-то компоненты смысла получают особые акценты. Это позволяет рассматривать цельнооформленные единицы, являющиеся семантическими дериватами от названий одежды, и фразеологизмы с участием таких названий как единое семантико-мотивационное пространство.

Анализ показывает, что в процессы семантической деривации и фразеологизации вступают чаще всего общенародные обозначения одежды, обуви и головных уборов. Диалектные лексемы вовлекаются в эти процессы сравнительно редко: например, волог. *зўня* 'белье' → *беззўнник* 'бедный, неимущий человек', орл. *овчўг* 'верхняя одежда из выделанной овечьей шкуры' → *овчўг* 'грязнуля', пск. *дьянїцы* 'вязаные шерстяные рукавицы' – *забрать в ежовые дьянїцы* 'строго и сурово обращаться с кем-либо'. Образования, возникшие на основе диалектных слов, как правило, вписываются в те номинативные модели, которые выделены для общенародной лексики. Поэтому базовый массив материала, изучаемый в работе, представлен диалектными и литературными лексемами и фразеологизмами, производными от наименований одежды, которые принадлежат общенародному фонду; этот массив дополнен дериватами от диалектных лексических единиц (о методике выборки материала см. ниже).

Предметом анализа стали ассоциативно-деривационные связи лексем обозначенной группы и особенности их функционирования в составе фразеологических единиц, рассмотренные с точки зрения этнокультурной информативности.

Традиционно в научной литературе уделялось внимание этнографическому описанию русского костюма – его истории, составу,

территориальному варьированию и др. Кроме собственно этнографических работ, есть исследования, выполненные в рамках широкой этнолингвистики, исходящие из трактовки одежды как знака символического языка культуры (Л. Н. Виноградова, А. А. Лебедева, М. С. Маерчик, С. М. Толстая и др.). Авторы ряда трудов обращаются к истории и этимологии первичных названий одежды и обуви (И. С. Вахрос, Г. Н. Лукина, Ю. В. Откупщиков, Г. В. Судаков, О. Н. Трубачев, П. Я. Черных). В некоторых работах проводится анализ семантических дериватов на базе наименований одежды (Е. Л. Березович, Т. В. Володина, Т. В. Леонтьева), однако рассматриваются лишь отдельные лексические единицы.

Таким образом, систематическое изучение символики наименований одежды в русских народных говорах и общенародном языке, насколько нам известно, не осуществлялось. Это обстоятельство, а также информативность фактов семантической деривации на основе названий одежды для реконструкции традиционной языковой картины мира обуславливают **актуальность** настоящего диссертационного сочинения.

Цель работы – охарактеризовать семантико-мотивационное своеобразие русской лексики и фразеологии, образованной на базе именовании одежды, обуви, головных уборов.

Эта цель требует решения следующих **задач**: 1) осуществить сбор фактов русской общенародной и диалектной лексики, возникшей в результате семантической деривации на основе названий одежды, обуви и головных уборов и их частей, а также фразеологии с участием этих названий; 2) выявить обозначения элементов костюма, которые имеют наибольшую коннотативную нагрузку, описать деривационно-фразеологические гнезда этих слов, составить ономаσιологические портреты соответствующих реалий; 3) сравнить полученные ономаσιологические портреты, определить общие и индивидуальные мотивы, которые реализуются в фактах семантической деривации и фразеологии; 4) охарактеризовать отношения системности между лексическими и фразеологическими единицами, образованными от наименований одежды, обуви, головных уборов; 5) проследить особенности реализации «одежного» кода в традиционном и современном лингвокультурном пространстве; 6) осуществить семантическую реконструкцию непрозрачных с точки зрения мотивации слов и выражений с опорой на мотивационные параллели; 7) сопоставить языковую семантику изучаемых культурных знаков с теми символическими значениями, которые проявляются в сфере ритуала, верований, фольклора.

Материал исследования извлекался из опубликованных (русские диалектные словари и словари литературного языка) и неопубликованных (полевые картотеки) **источников**.

Были фронтально просмотрены фразеологические словари, среди которых «Фразеологический словарь русского литературного языка», «Фразеологический словарь пермских говоров» К. Н. Прокошевой, «Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми» И. А. Кобелевой, «Фразеологический словарь русских говоров Сибири», «Словарь псковских пословиц и поговорок», «Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов» Л. Н. Сергеевой и др.

Кроме того, фронтальная выборка осуществлялась из ряда диалектных словарей, составители которых уделяют особое внимание лексике, обозначающей реалии материальной и духовной культуры народа: «Словаря свадебной лексики Орловщины» М. В. Костромичевой, «Этнолингвистического словаря свадебной терминологии Северного Прикамья» И. А. Подюкова, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипова, «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словаря русских говоров Южного Прикамья» и др.

Есть группа источников, обработавшихся путем направленного поиска (выбирались дериваты от отдельных слов). Для осуществления такого поиска был проведен предварительный анализ корпуса наименований одежды, извлеченных из идеографических и тематических словарей, а также энциклопедий: «Русский традиционный костюм» Н. Сосниной и И. Шангиной, «Тематический словарь говоров Тверской области», «Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура)», «Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала», «Традиционный быт псковских крестьян: опыт регионального этнолингвистического словаря». По этим источникам был составлен словник русских наименований традиционной одежды – как общенародных, так и диалектных. С учетом этого словника осуществлялась направленная выборка материала по следующим словарям: «Словарь современного русского литературного языка», «Словарь русских народных говоров», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Псковский областной словарь», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь говоров Русского Севера» и др. (всего 34 словаря).

Привлекались также данные из неопубликованных полевых картотек. В первую очередь это картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета по территории Русского Севера и Костромской области. В работе экспедиции принимал участие и автор

настоящей работы (9 полевых выездов в 2005–2013 гг.). Кроме того, использованы материалы картотеки «Словаря русских народных говоров», хранящейся в Институте лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).

Использованы следующие **методы и процедуры анализа**: семантико-мотивационная реконструкция лексического и фразеологического материала, ономастолого-этимологический анализ (в том числе ономастологическое портретирование), идеографическая классификация, контекстный, компонентный анализ. Для верификации выводов, полученных при изучении языковых данных, осуществлялся поиск символических параллелей к языковым фактам в фольклорно-этнографическом материале.

Научная новизна работы определяется тем, что комплекс семантико-словообразовательных дериватов от русских названий одежды и фразеологизмов, включающих такие названия, впервые стал объектом семантико-мотивационной реконструкции и этнолингвистической интерпретации. В научный оборот введен новый лексический материал, в том числе содержащийся в неопубликованных источниках и собранный в полевых условиях, предложены мотивационные решения для ряда лексем и фразеосочетаний.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в ней выявлено семантико-мотивационное своеобразие важной подсистемы лексики – названий одежды; разработана методика анализа ассоциативно-деривационной и фразеологической семантики, применение которой позволило определить закономерности организации изучаемого семантико-мотивационного поля и охарактеризовать соответствующий фрагмент русской народной языковой картины мира.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в практике вузовского преподавания – в курсах по лексикологии, русской диалектологии, этнолингвистике, семантике, этимологии.

Апробация работы. Основные положения были изложены автором в докладах на международных научных конференциях «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2009, 2012), II Всероссийском конгрессе фольклористов (Москва, 2010), международной научной конференции студентов и аспирантов «Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика» (Санкт-Петербург, 2012), IX Конгрессе этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 2011), международном симпозиуме «Литературная и диалектная фразеология: история и развитие» (Великий Новгород, 2011), межвузовской конференции молодых ученых «Слово в

традиционной и современной культуре» (Екатеринбург, 2010, 2011). По теме исследования опубликовано 11 работ, 3 из них – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Слова и фразеологизмы, связанные отношениями семантической мотивированности с наименованиями элементов костюма, образуют семантико-мотивационное поле, включающее группы «Одежда», «Обувь», «Головные уборы». Внутри этих групп выделяются деривационно-фразеологические гнезда различного объема.

2. Наиболее активные носители ассоциативно-деривационной и фразеологической семантики – общенародные (а не диалектные) названия одежды, а также слова, не обладающие прозрачной внутренней формой. В русской языковой традиции к числу наиболее обширных относятся деривационно-фразеологические гнезда с вершинными словами *лапоть*, *сапог*, *рубаха*, *шуба*, *шапка*, *колпак*.

3. Для анализа языковых образов элементов костюма применена методика ономазиологического портретирования, показавшего, что *лапоть*, *рубашка*, *шапка* являются своеобразными эталонами обуви, одежды и головных уборов: в их образах сконцентрированы те мотивы, которые в разной степени присутствуют и в портретах других элементов «одежного» кода традиционной культуры.

4. В коннотативном спектре наименований одежды преобладает социальная символика: одежда выступает маркером гендерной принадлежности, отнесенности к определенной социальной группе, показателем материального положения человека. Выделяются также специфические мотивы: например, с *лаптем* связан мотив измены, с *лаптем* и *колпаком* – мотив обмана, с *лаптем* и *сарафаном* – мотив говорения, с *лаптем* и *сапогом* – мотив передвижения (как реального – в пространстве, так и символического – при смене матримониального статуса).

5. Единицы изучаемого семантико-мотивационного поля объединены разного рода системными отношениями, в числе которых: тематическая (идеографическая) упорядоченность семантических дериватов от обозначений одежды; симилярные и оппозиционные отношения в сфере переносных употреблений слов, называющих одежду; контекстуальная связанность наименований элементов костюма в рамках устойчивых сочетаний; образное варьирование устойчивых сочетаний с наименованиями одежды.

6. Применение методики семантико-мотивационных параллелей, а также привлечение фольклорно-этнографических сведений позволило осуществить семантико-мотивационную реконструкцию ряда лексико-фразеологических фактов (например, арх. *ступить в красный сапог*

‘неудачно выйти замуж’, волог. *светлые пуговицы пришить* ‘отказать при сватовстве’, карел. (рус.) *как шубу шить* ‘хорошо, как по маслу’, костр. *красну шапку надеть* ‘нарушить верность в любви’ и др.).

7. Коннотации, присущие наименованиям одежды в русской языковой традиции, по-новому преломляются в стихии современного русского языка. Так, слова *лапоть* и *сарафан*, наделенные коннотациями «русскости», получают амбивалентную оценку в современной разговорной и публицистической речи. Сходную оценку получают и слова *суконный*, *сермяжный*, тематически близкие полю «Одежда».

Структура работы. Работа включает введение, 3 главы и заключение. Общий объем работы ... страниц, из которых ... страниц составляет основной текст.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность исследования, обозначены объект, цели и задачи работы; дается обзор литературы вопроса; описаны источники материала, принципы его отбора и методы анализа; охарактеризована структура работы.

В первой главе «**Деривационно-фразеологические гнезда слов, обозначающих одежду, в русской языковой традиции**» рассматриваются лексемы и фразеологизмы, образованные от тех наименований одежды, которые имеют наибольшую коннотативную нагрузку. Реферируемая глава состоит из трех параграфов. В **первом параграфе** «**Семантико-мотивационная группа “Обувь”**» представлены деривационно-фразеологические гнезда с вершинными словами *лапоть*, *сапог*, *калоша*, *валенок*, *башимак*, диал. шир. распр. *отóпок* ‘старый, изношенный лапоть’, *онуча*, *портянка*. Во **втором параграфе** «**Семантико-мотивационная группа “Одежда”**» описываются гнезда с вершинами *рубаха*, *сарафан*, *штаны* / *порты* / *брюки*, *юбка*, *шуба*, *варежка* / *рукавица*. **Третий параграф** «**Семантико-мотивационная группа “Головные уборы”**» посвящен анализу гнезд слов *шапка*, *колпак*, *шляпа*, *платок*.

В данной главе анализ гнезд осуществляется через построение ономазиологических портретов реалий, названных вершинными словами этих гнезд. Портреты строятся с опорой на *мотивационные признаки* и связанные с ними *мотивы*. Мотивационным считается тот признак реалии, на основе которого осуществляется семантическая деривация или образование фразеологизма; мотив, являющийся интерпретацией этого признака, вычленяется в семантике дериватов и

фразеологизмов. Так, признак высокой стоимости сапог мотивирует ряд лексических и фразеологических единиц, в значениях которых представлены мотивы дороговизны (литер. устар. *в сапогах / сапожках ходит* ‘о том, что очень дорого стоит’), материального благополучия (новг. *жить, как нога в сапоге* ‘жить благополучно, в достатке и довольстве’), доминирования (*один ты в сапогах ходишь* ‘о высокомерном поведении: «нет людей супротив тебя!»’). Ономазиологические портреты разных реалий имеют сходную структуру. Мотивационные признаки, выявленные для различных «персонажей», можно объединить в следующие группы: 1) функционирование реалии; 2) ее локус; 3) внешние признаки; 4) характер изготовления; 5) оценка реалии, отраженная в слове. Есть частные мотивы, проявляющиеся лишь в отдельных деривационно-фразеологических гнездах, но есть и такие мотивы, которые регулярно повторяются в одной из семантико-мотивационных групп («Обувь», «Одежда» и «Головные уборы») и в изучаемом семантико-мотивационном поле в целом.

Для каждого из «уровней» традиционного костюма релевантными оказываются разные признаки. Набор признаков, учтенных при построении портретов разных видов обуви, которые представлены в **первом параграфе**, свидетельствует о том, что актуальны как внешние «параметрические» признаки обуви (парность, форма, материал, малый по отношению к росту человека размер), так и те, которые связаны с ее функционированием и местоположением в «вертикали» костюма.

Ведущим в образовании дериватов с конкретной семантикой является признак формы – продолговатой у *лаптя, отопка, калоши* (коми-перм. (рус.) *лапоть* ‘иитл. весло’, арх. *галюша* ‘плоскодонное судно, баржа’) и изогнутой у *сапога* (волог. *сапог* ‘изгиб печной трубы’), причем он может сочетаться с признаком внутренней полости (карел. (рус.) *башмак* ‘выемка в последнем верхнем бревне дома, избы для закрепления балки стропил’).

Фактура, характер поверхности материала, из которого изготавливаются различные виды обуви, также находят отражение в языковых фактах: печор. (*как*) *керзовый сапог* ‘о лице с щербинами от оспы или широкими порами’, народн. *голос, будто у него валенок в горле* ‘о нудном, гнусавом и грубом голосе’.

Признаки непривлекательного внешнего вида обуви, которая быстро изнашивается, и расположения ее внизу (в удалении от головы) обеспечивают продуктивность метафорических обозначений некрасивых, глупых, медлительных и т. п. людей и неловких, неудобных ситуаций: волог. *отопок* ‘нескладный человек: некрасивый, медлительный, неловкий и проч.’, простореч. *глупый как валенок*

‘умственно ограниченный, несообразительный’, *посадить в галошу* (*калошу*) ‘поставить кого-либо в неловкое или смешное положение’.

Контакт обуви с ногами объясняет появление мотива передвижения: пск. *трое лаптей сносить* ‘преодолев большое расстояние, затратить значительные усилия, утомиться’, народн. *сапоги-сороходы* ‘волшебные сапоги, быстро переносящие человека, надевшего их, на большие расстояния’. При этом передвижение может пониматься и символически – как переход в другую семью (смол. *лапотное* ‘в свадебном обряде – подарок отца жениха старшей «боярке» за то, что она привела невесту’, новг. *как в готовый лапоть ступить* ‘удачно выйти замуж, оказаться в хороших условиях жизни’).

Обувь, как и другие элементы костюма, может служить показателем имущественного статуса человека: богатый носит сапоги, галоши (новг. *в сапогах* ‘тот, кто имеет деньги, богат, не нуждается’, волог. *калошница* ‘девушка из богатой семьи’), бедный – лапти, отопки (сиб. *лаптями трясти* ‘жить в нужде, бедности’, карел. (рус.) *отопочник* ‘о бедном человеке, носящем на ногах стоптанные лапти’). Обувь может указывать и на социальное положение: так, в значениях производных от слов *сапог* и *башмак* (называющих «тяжелую» обувь с каблуком) представлен мотив доминирования одного человека над другим: литер. *держат под сапогом* (*башмаком, каблуком*) ‘держат в полном подчинении’.

Наибольшую коннотативную нагрузку среди наименований обуви несут *лапоть* и *сапог*. Если у остальных названий обуви вторичная семантика связана с метафорическими и метонимическими переносами, то в данном случае мотивация нередко прочитывается с учетом функционирования реалии как предметного знака символического языка культуры. Так, в костр. *сапог выбросить*, арх. *лапти сплести* ‘дать отказ жениху при сватовстве’ можно усмотреть соединение нескольких мотивов: мотива передвижения для *лаптя* и *сапога* (удаление невестой жениха из своего пространства), гендерных («мужских») коннотаций для *сапога*, мотива обмана / измены для *лаптя* (этот мотив произведен от признака плетения, отражающего способ изготовления лаптей, ср. также арх. *лапти сплести* ‘обмануть, ввести в заблуждение’, новг., пск. *лапти* ‘измена в любви’). Вербальный отказ при сватовстве мог сопровождаться действиями, «опредмечивающими» внутреннюю форму указанных фразеологизмов.

В деривационной и фразеологической семантике слов *онучи* и *портянки* проявляются те же ведущие мотивы, что и в семантике обозначений собственно обуви (передвижения в пространстве, бедности, глупости). В то же время есть и специфические признаки – размера (новг. *с попову онучу* ‘о снеге: большого размера, крупными хлопьями’) и сырости, пропитанности влагой (волог. *портянка* ‘большая туча’).

Анализ портретов, представленных во *втором параграфе*, показал, что для деривации на основе наименований собственно одежды релевантными являются признаки, связанные с ее функционированием (гендерная отмеченность того или иного вида одежды, маркирование социального статуса и материального положения человека). Признаки, отражающие местоположение и внешние особенности одежды, имеют меньшую значимость.

Поскольку функциональные свойства одежды многообразны и имеют разную природу, то и ономаσιологические портреты отличаются пестротой: различные в качественном и количественном отношении наборы выявленных мотивационных признаков не позволяют говорить о структурированности отношений между «героями» портретов.

В основе многочисленных дериватов с предметной семантикой лежит признак покрытия, защиты от внешнего воздействия. Метафорические наименования, во внутренней форме которых отражены «одежные» образы, разнородны по своей тематической принадлежности – от обозначений явлений природы до технической терминологии: сиб. *солнце в рукавицах* ‘красные круги вокруг солнца; явление, предшествующее стуже’, урал. *в штаниках* ‘о голубе с редким и коротким оперением на ногах’, коми (рус.) *обшить в рубаху* ‘обшить досками’.

Обозначения разных видов одежды отражают ее контакт с различными частями тела (штаны – ноги; шуба – тело; рукавицы – руки): урал. *всыпать по штанам* ‘высечь’, новг. *шубу шить* ‘об игре, где проштрафившегося стегали ремнем по ногам и по плечу’, перм. *в рукавицах держать* ‘относиться к кому-либо с большой строгостью’.

Если говорить о проявлениях социальной символики названий одежды, то наиболее показательно отражение в языке гендерной дифференциации, четкой закреплённости за определенными видами одежды функции маркера пола: прикам. *штанник* ‘иронично о ребенке мужского пола’, простореч. *волочиться за (первой попавшейся) юбкой* ‘быть неразборчивым в любовных связях’. Отсюда производны оценки аморального поведения: простореч. *трясти штанами* ‘о мужчине: вести аморальный образ жизни, распутничать’, коми (рус.) *трясти сарафаном* ‘о женщине: вести разгульную, распутную жизнь’.

Выстраивается определенный минимум одежды, который необходим для человека, – *рубажка и штаны* (литер. *остаться в одной рубажке* ‘разориться, дойти до крайней бедности’, омск. *прийти в одних штанах* ‘пропить все, остаться без средств к существованию’). Именно эти виды одежды, облекая тело человека, устанавливают нормы конституции: волг. *не помещается в рубажке* ‘об очень полном человеке’, волг., дон. *наедать штаны* ‘толстеть, полнеть’. Им же

приписывается функция определения поведенческих границ: волг. *не помещается в рубашке* 'о непоседливом, озорном человеке', простореч. *выпрыгивать из собственных штанов* 'находиться в состоянии азарта, восторга, буйной радости, переживая за успех'.

Свойство одежды может непосредственно проецироваться на характер человека: «открытость» рубашки → открытость характера, ср. *рубаха-парень* 'о простом в обращении, откровенном человеке', ярсл. *рубашка нараспашку* 'об откровенном, доверчивом, искреннем человеке'. Во фразеологии отражается и наличие у одежды лицевой и изнаночной стороны (а также передней и задней): курск., перм., прикам. *та же шуба, только навыворот*, печор. *та же малица, только на левую сторону*, горьк., перм., печор. *те же штаны, только пуговицами (узлом) назад* 'то же самое, но по-другому названное или сделанное'.

Из всех рассмотренных наименований одежды наибольшую коннотативную нагрузку несут *рубаха* и *шуба*. Возможно, это связано с отсутствием в их семантике функции маркера пола. Именно рубаха и шуба наиболее активно функционируют как предметные знаки в свадебном обряде, ср. морд. (рус.) *нести рубашку* 'нести подарки от невесты в дом жениха накануне свадьбы', орл. *шубы выворачивать* 'встречать новобрачных с вывернутой наизнанку и разостланной у порога шубой (шубами) в знак их будущей зажиточной жизни' и т. д. Наиболее разнообразна по набору характерных мотивов *шуба*, что объясняется наличием у самой реалии широкого ряда признаков и особого статуса среди предметов одежды.

В **третьем параграфе** рассмотрены деривационно-фразеологические гнезда на основе наименований головных уборов. Здесь на первый план выходят признаки, отражающие форму и местоположение реалий (нередко они выступают совместно), а также особенности их функционирования.

Признак формы (округлой, объемной, куполообразной у *шапки* и *шляпы*, приплюснутой – у *шляпы*, конусообразной – у *колпака*) мотивирует такие лексические единицы, как волог. *колпак* 'большой глиняный сосуд конической формы, с расширяющимся верхом', волог. *шапка* 'круглая горка', волог. *шляпы* 'крупные комья снега, снежная пена на реке перед ледоставом'. Признак верхнего расположения специфичен для головных уборов, на его основе (с добавлением признака формы) возникает обширный ряд предметных номинаций: литер. *шляпка* 'соцветие, корзина подсолнечника', диал. шир. распр. *шапка* 'верхний сноп в суслоне', арх., волог. *колпак* 'шапка снега на дереве'. Этот признак поддерживает важную для названий головных уборов метонимическую связь с обозначением головы. Как развитие этой линии появляется мотив удара, отраженный в выражениях со

значением 'побить, надавать колотушек': пск., твер. *насорить в шапку*, олон. *надавать колпаков*.

В то же время разнообразие мотивов, представленных в ассоциативно-деривационной и фразеологической семантике названий головных уборов, обеспечивается в первую очередь за счет признаков, связанных с их функционированием. Так, в языке находят отражение представления о соблюдении / несоблюдении этикетных норм, предполагающих обнажение головы в знак приветствия: литер. разг. *шапочное знакомство* 'о поверхностном знакомстве, когда при встрече только здороваются', пск. *ни в шапку (шляпу)*, *ни в колпак* 'не уважать кого-либо, не здороваться с кем-либо'.

Хотя социальная символика свойственна всем группам наименований одежды (и самим реалиям, понимаемым как предметные знаки языка культуры), у обозначений головных уборов она наиболее устойчива и разнообразна. Головной убор является наиболее ярким показателем социального статуса его владельца, принадлежности его к той или иной социальной группе: печор. *не по Сеньке шапка*, *не по Фоме колпак* 'кто-либо не ровня кому-то', яросл. *колпачница* 'так заочно называют всякую госпожу'. Это проявляется и в обрядовом коде языка культуры, ср., к примеру, смену головных уборов при вступлении в семейную жизнь. Обрядовые реалии могут находить отражение в языке, ср. диал. б. м. *шапочник* 'один из друзей, кто снимает с жениха шапку на поезде, при встрече с людьми', новг. *колпачный*, *колпачник* 'один из участников свадебного обряда, который носит и хранит фуражку или колпак жениха'. В значениях наименований разных видов головных уборов могут содержаться отсылки к какой-либо социальной группе: *красная шапка* – символ солдата (литер. устар. *под красную шапку (отдать, пойти и т. п.)* 'отдать, пойти и т. п. в солдаты'), *шляпа* – атрибут городского обывателя, человека нефизического труда, интеллигента (литер. *шляпа* 'в дореволюционном военном жаргоне – презрительное название «штатского» человека; штафирка'), *колпак* – домашний головной убор (народн. *колпачник* 'кто носит колпак, ходит в нем; беззаботный домосед'), а также характерный элемент костюма шутов, скоморохов (*дурацкий, шутовской колпак* 'головной убор шутов, иногда с бубенчиками, ослиными ушами и т. п.'). откуда простореч. *колпачить* 'дурачить, обманывать кого-либо', устар. *накрывать колпаком*, *наряжать в колпак* 'подчинять себе, крайне просто обманывать, околпачивать, одурачивать кого-либо' и др.).

Все многообразие коннотативных смыслов, свойственных наименованиям головных уборов, представлено у *шапки*. Именно она оказывается включенной в «гендерную» пару *шапка – платок*, что особенно ярко проявляется в контексте свадебного обряда, где вручение

невестой жениху при сватовстве платка или шапки означает, соответственно, согласие выйти замуж или отказ: твер., волог. *дать плат (платы)* 'дать согласие на брак', пск. *шапку в лохань (вкнуть)* 'об отказе невесты при сватовстве'. «Мужская» символика, закрепленная за шапкой, и способность предмета одежды выступать в качестве символического заместителя человека дают о себе знать в орл. *высватать за шапку* 'сосватать невесту в отсутствие жениха'.

Во второй главе «**Отношения системности в семантико-мотивационном поле “Одежда”**» меняется подход к объекту исследования: рассматриваются не отдельные деривационно-фразеологические комплексы на основе обозначений элементов костюма, а совокупность «одежных» слов и стоящих за ними семантико-мотивационных пространств, предпринимается попытка выявить принципы организации изучаемого семантико-мотивационного поля, продемонстрировать его целостность как системы.

В *первом параграфе* определяются основные тематические сферы значений семантических дериватов от наименований одежды и фразеологизмов с участием таких наименований. В идеографическую классификацию включены лишь те лексико-фразеологические единицы, значения которых связаны с человеком, его деятельностью и культурой. Такой отбор сфер обусловлен этнолингвистическим характером настоящего исследования.

При классификации фразеологизмов возникали сложности, связанные с тем, что значение устойчивого сочетания формируется под влиянием не только наименования одежды, но и других слов, представленных во внутренней форме выражения (а иногда название одежды занимает слабую в смысловом плане позицию и может быть без ущерба опущено). Было принято решение включать в классификацию только такие фразеологические единицы, где роль «одежного» компонента ощутима (несмотря на то, что он выступает наряду с другими).

Общее количество фактов, подвергнутых классификации, – 819. Большая часть лексем и фразеологизмов может быть отнесена к сфере «Человек социальный» (64,5 % от всех расклассифицированных единиц). Далее идут сферы «Человек физический» (9,4 %), «Культура» (8,9 %), «Человек психический» (8,8 %), «Человек работающий» (8,4 %). В реферируемом параграфе сначала дается общий обзор выделенных тематических групп, затем приводится более подробный семантико-мотивационный анализ лексико-фразеологических единиц, входящих в одну из этих групп («Человек работающий»).

Самая большая тематическая группа – **«Человек социальный»** – включает единицы, связанные с социально оцениваемыми действиями и качествами человека. Наиболее ярко в этом блоке представлены обозначения проявлений социального взаимодействия, экономических отношений и тех черт характера, которые получают оценку в обществе. В рамках подгруппы **«Социальное взаимодействие»** можно отметить такие идеограммы, как забота о ком-либо (коми-перм. (рус.) *носить как топор за поясом* ‘беречь, относиться особо нежно, бережно’, печор. *в пазухе держать* ‘окружать непомерной заботой кого-либо’), проявление интереса к лицам противоположного пола, заигрывание (печор. *на юбки заглядываться* ‘иметь повышенный интерес к молодым женщинам, девушкам’, печор., сиб. *пуговицы крутить* ‘кокетничать (о девушках)’). В подгруппе **«Экономические отношения»** представлены слова и выражения, обозначающие материальное положение – бедность, нищету (новг. *рубашка да фуражка*, печор. *ветер в кармане свистит*), благополучие (коми (рус.) *как у Христа в пазухе*, новг. *(жить) как нога в сапоге*). Соответственно, имеются лексико-фразеологические единицы для обозначения бедняка (сиб. *холицёвый гасник*, прикам. *лаптёжник*) и богача (волг. *не достанешь палкой шапки*, диал. б. м. *кафтан с подкладкой*, сиб. *тугой карман*).

В анализируемом материале можно выделить выражения, обозначающие **социально оцениваемые качества человека**. Среди них доброта, отзывчивость (литер. *поделиться с кем-либо последней рубашкой* ‘об отзывчивом человеке, готовом поделиться с кем-либо тем единственным, что у него осталось’, печор. *сам шапку не выносил (выносит)* ‘то же’), простота, открытость (литер. *рубаха-парень* ‘о простом в обращении, откровенном человеке’, нижегор. *лапотник* ‘простой, бесхитростный человек’), неразвитость, необразованность (новг. *от́пок полевой* ‘о темном, необразованном человеке’, пск., твер. *зипу́нник* ‘о невеже’) и др. Представления о негативно оцениваемых качествах нередко комплексно отражены в семантике слова, «перетекают» из значения одного выражения в значение другого, имеющего аналогичный «одежно-обувной» компонент.

В данной группе представлены также слова и выражения, заполняющие следующие идеографические ячейки: ‘быть лучше / хуже кого-либо’, ‘смелость, уверенность в себе, энергичность’, ‘везучесть’, ‘заносчивость, зазнайство’, ‘двуличность’, ‘посредственность, никчемность’, ‘инертность’, ‘мягкость, безответность’, ‘самостоятельность’, ‘злота, вредность’, ‘сухость, черствость’, ‘скудость’, ‘избалованность’, ‘легкомысленность’, ‘болтливость,

словоохотливость', 'склонность к сплетням', 'склонность к многочисленным любовным связям', 'упрямство' и др.

При **социальной оценке поведения** большинство единиц маркирует отклонение от нормы: предосудительное, распутное поведение и измену (р. Урал *подол нечистый* 'намеки на супружескую неверность, на развратное поведение кого-либо', прикам. *на высокий каблук поставить* 'изменить мужу', новг., пск. *лапти* 'измена в любви'), рождение внебрачного ребенка (простореч. *принести в подоле (фартуке)* 'родить вне брака'), состояние опьянения (простореч. *закладывать за воротник* 'иметь пристрастие к употреблению спиртных напитков; выпивать', сиб. *как стелька (напился, нарезался)* 'очень пьян').

В подгруппе «**Семья**» фиксируются лексемы и фразеологизмы, обозначающие обстоятельства семейной жизни: 'вступить в брак' (перм. *снять девичью рубашку* 'выйти замуж', печор. *с маху да под рубаху* 'быстро, поспешно (пожениться)'), 'удачно / неудачно вступить в брак' (новг. *как в лапоть готовый вступить* 'удачно выйти замуж, попасть в богатую, хорошую семью', арх. *ступить в красный сапог* 'быть несчастным в семейной жизни'). Представления об аномалиях в семейной жизни также маркируются языком: прикам. *бросать венец с головы* 'разводиться, расторгать брак', прикам. *сломать венец* 'выйти второй раз замуж после венчания'.

Ряд лексических единиц характеризует **принадлежность человека к какой-либо социальной группе**: нижегор. *балахóнец, балахóнник* 'монах', карел. (рус.) *шубник* 'русский солдат', перм. *деревенский лапоть* 'о жителе деревни', диал. б. м. *зипунник* 'простой, неотесанный мужик'.

В подгруппе «**Физическое взаимодействие**» основная часть данных – слова и устойчивые сочетания со значением 'побить, наказать': простореч. *под шапку накласть*, смол. *поправить бабе чепец*, свердл. *сарафанить*, яросл. *накласть в шиворот*, новг. *начистить пряжку*. Представлена в материале и идея физической расправы, убийства: пск. *красным галстуком повязать* 'зарезать', коми-перм. (рус.) *за штаны да в кружку* 'о скорой расправе'.

Лексические единицы, обозначающие неаккуратно одетого человека, составляют большую часть подгруппы «**Бытовое поведение**»: волог. *Афанасий беспоясый* 'о неряшливом человеке', дон. *Устя рукава спутя* 'о неаккуратном человеке', горьк. *ходить как малахай* 'о грязном, неряшливо одетом и растрепанном человеке', яросл. *понёва* 'о неряшливо одетой женщине'.

Наконец, в подгруппе «**Речевая деятельность**» представлены следующие идеограммы: 'говорить пустяки, врать,

сплетничать' (печор. *сарафаном трясти* 'разносить новости, распускать сплетни', прикам. *вокруг себя да в пазуху собирать* 'наговаривать на кого-либо'), 'шутить, дурачиться' (ср.-урал. *загнуть зипун* 'пошутить, сказать какую-либо шутку', коми (рус.) *катать шляпы* 'смешить, разыгрывать людей; шутить, дурачиться'), 'говорить громко, резко' (волг. *во всю варежку*, пск. *с рубахи вон*), 'быть находчивым в беседе' (литер. разг. *не лезть за словом в карман*).

В рамках сферы «**Человек физический**» выделяются единицы, обозначающие физические качества человека – рост (новг. *с валенок ростом* 'кто-либо низкий, маленький ростом'), возраст (печор. *о семидесяти заплат зипунишко* 'о старом человеке'), физиологические состояния – беременность или менструацию (печор. *в пазухе быть (иметь, носить)* 'в материнском лоне (о беременной и ребенке в ее утробе)', перм. *на красном белье жить* 'находиться в возрасте или состоянии менструации'), болезнь и смерть (арх. *вороньи сапоги* 'о болезни ног, преимущественно у детей, когда трескается кожа на ступнях при хождении летом без обуви', коми (рус.) *отпустит лапти* 'умереть, скончаться').

В сферу «**Культура**» отнесены слова и выражения, номинирующие атрибуты и участников различных обрядов, характеризующие их этапы: литер. устар. *на ризки* 'о подарке по случаю рождения ребенка', р. Урал. *большая пазуха* 'в свадебном обряде – название одного из дружек', волог. *раздавать платки* 'обычай раздавать вещи умершего на похоронах'. Кроме того, здесь представлена лексика, связанная с народными танцами и играми: новг. *шубу шить* 'вид игры', волог. *ремешок* 'игра, в которой один из участников использует ремень', р. Урал *оторви подошвы* 'о большом охотнике плясать, танцевать', курск., орл. *выкаблучивать* 'во время танца делать неожиданные и смешные движения'. Отдельную подгруппу составляют языковые факты, характеризующие поведение человека в свете его религиозной принадлежности: азерб. (рус.) *чистить пуговицы* 'креститься, молиться', перм. *ни креста ни пояса* 'о неверующем человеке', *до пояса старOVER, а после мирской* 'о плохо соблюдающем старообрядческий канон'.

В сферу «**Человек психический**» входят в первую очередь слова и устойчивые сочетания, связанные с интеллектуальной деятельностью человека. Лексико-фразеологические единицы обозначают глупого, несообразительного человека (простореч. *колпак* 'о простачке, недалеком, недогадливом человеке', прикам. *как шляпа* 'о глуповатом'), воплощают представления о наличии или отсутствии внимания (коми (рус.) *шапку на ухо* 'не обратить внимания на то, что происходит

вокруг», волг. *не развешивать уши варежками* ‘быть внимательным, не зевать’), а также характеризуют память и процесс запоминания (ряз. *класть в пазык* ‘запоминать, брать на заметку, мотать на ус’ (< *пазык* ‘пазуха’, ‘напуск на груди рубахи’)), прикам. *закафтанило ум* ‘о сбившемся с толку, забывшем’). Кроме того, в данной сфере представлены слова и фразеологизмы, обозначающие эмоции и чувства человека. Среди них такие, как испуг, страх (перм. *шапка на волосах поднялась* ‘об очень сильном испуге, страхе’, перм. *как шубой одело* ‘охватил страх, испуг’), радость, восторг (литер. разг. *бросать в воздух шапки (чепчики)* ‘выражать крайнюю радость, ликовать’), волнение, возбуждение (новг. *лезть из рубашки вон* ‘находиться в состоянии волнения, возбуждения, беспокойства’), огорчение, возмущение, отчаяние (литер. устар. *лицо вытянулось на какую пудовицу* ‘о выражении сильного огорчения, недовольства’), растерянность, удивление (перм. *как лапоть с ноги спал* ‘кто-либо чувствует неуверенность, растерянность’, сиб. *шляпа слетела с головы* ‘кто-либо очень удивлен, ошеломлен чем-либо’).

Анализ лексических единиц, входящих в сферу «**Человек работающий**», показывает, что работа, рассматриваемая через призму «одежных» образов, может оцениваться как напряженная (пск. *лапти с ног не спускать, без шапки (работать)* ‘интенсивно, напряженно работать’) или легкая, не требующая усилий (горьк. *спустя рукава* ‘легко, без больших усилий, затруднений’), выполняемая быстро (печор. *с маху да под рубаху* ‘немедленно, сейчас же (что-то получить, чего-то добиться)’) или медленно (коми-перм. (рус.) *как вошь по гаснику тянуться* ‘медлить’). Выделяются такие идеограммы, как ‘устать от работы’ (новг. *лапти прочь* ‘устать, выбиться из сил’), ‘лениться, бездельничать, плохо работать’ (перм. *рубашка не вспотела* ‘о ленивом человеке’, морд. (рус.) *мелькать подолом* ‘бездельничать, ходить без дела’), ‘заниматься бесполезным делом’ (карел. (рус.) *обрезать поля да наставлять другие* ‘бесцельно проводить время, заниматься бесполезным делом’). Человек, выполняющий работу, может характеризоваться как ленивый или медлительный: смол. *онучка* ‘лентяй, лентяйка’, арх. *бафiла* ‘теряха или медлительный человек’ (< *бафiлы* ‘рабочие сапоги, обычно без ранта и каблучков’).

Кроме того, может оцениваться результативность работы – сделана она до конца / не до конца либо не сделана вовсе (печор. *лопотина сшита, хоромина крыта* ‘дело доделано, доведено до конца’, печор. *ещё кнут да рукавица* ‘еще много нужно доделывать в каком-то деле’, новг. *не у шубы рукавов* ‘ничего не готово, не сделано, беспорядок во всем’), выполнена она хорошо или плохо (коми-перм. *как в сапог*

ступить ‘сделать что-либо удачно’, омск. *не к шубе рукав* ‘о чем-либо плохо сделанном или неуместном, не идущем к делу’). Наконец, определяются обстоятельства выполнения работы (простореч. *дело в шапке* ‘об удачном исходе чего-либо’, пск. *лапти связывать* ‘начинать какое-нибудь дело’, *отрубил, да и в шапку* ‘конец делу’, пск. *вертеть порты* ‘искать выход из трудного положения’).

Во **втором параграфе** выявляются типы парадигматических отношений между переносными употреблениями названий одежды. Так, в вариантах одних и тех же фразеологизмов или в устойчивых сочетаниях, не тождественных, но сходных по своей структуре и семантике, различные наименования одежды могут выступать в качестве своеобразных синонимов (симиляров). В более редких случаях отношения такого же типа могут устанавливаться между цельюоформленными дериватами от наименований одежды. Симилярами чаще всего бывают наименования тех видов одежды или ее частей, которые относятся к одному «уровню» костюма: литер. разг. *сапоги всмятку* = орл. *башмак всмятку* ‘о бессмыслице, чепухе’, разг. *шапочное знакомство* = разг. *шапочное знакомство* ‘поверхностное, случайное, непочное знание кого-либо или чего-либо’, печор. *сарафаном трясти* = печор. *подолами трясти* ‘кокетничать, заигрывать с мужчинами’. В некоторых случаях отношения симилярности на уровне переносных употреблений объединяют и слова, означающие разнокатегориальные элементы одежды: простореч. *лаптем щи хлебать* = *шапкой щи хлебать* ‘о чьей-либо некультурности, отсталости’, литер. *родиться в рубашке* = курск. *родиться в шапке* ‘о счастливом, удачливом человеке’, пск. *лапотная почта* = новг., яросл. *сарафанная почта* ‘женщина, любящая распространять сплетни’.

Описываемый тип отношений может объединять наименования элементов всех «уровней» костюма. Такая возможность подготовлена в первую очередь тем, что в их мотивационном пространстве есть общий признак покрытия чего-либо. Кроме того, во вторичной семантике разных наименований одежды находит отражение ее способность служить показателем материального достатка. И наконец, вторичные значения нередко содержат экспрессивный фон (как правило, негативный).

Анализ симилярных отношений позволяет выявить продуктивные номинативные модели, в которых представлены обозначения различных «уровней» костюма, например:

- вид повседневной одежды → неопрятный человек: курск. *онуча* ‘грязнуля’, прикам. *в́ачега* ‘о неопрятной женщине’ (< *в́ачега* ‘варежка’), волог., олон. *бах́ила* ‘некрасивый, неуклюжий, неопрятный человек’ и др.;

- вид повседневной одежды → глупый человек, растяпа: ср.-урал. *армяк* ‘рассеянный, несообразительный человек, растяпа’, перм. *лапоть нековъренный* ‘бестолковый человек’, смол. *архалу́к* ‘недалекий, несообразительный человек’ (< *архалу́к* ‘плохо сшитая, засаленная одежда’);

- наделить одеждой, головным убором → ударить: сиб. *татарку сошить* ‘ирон. избить, побить’ (ср. *татáрка* ‘зимняя мужская шапка’), калуж. *малаха́ев нашить* ‘побить, поколотить’, новосиб. *портов прикупить* ‘выпороть, отхлестать’ и т. п. (обозначения обуви тоже могут участвовать в выражении идеи битья, но в этом случае реализуются несколько иные мотивационные модели, ср., к примеру, ворон. *каблучить* ‘бить’, указывающее на «инструмент» удара).

В составе идиом, противоположных по значению, но сходных по структуре, могут выступать оппози́ты. В этом случае первичные значения слов не антонимичны, но переносные употребления обладают противоположными смыслами. К таковым относятся наименования одежды и обуви, принадлежащие одному «уровню» костюма – головным уборам (*плат – шапка*), одежде (*рубаша – платье, подол – портки, сарафан – штаны*), обуви (*сапоги – лапти*). Некоторые пары оппози́тов являются устойчивыми, обладают повторяемостью: например, *плат* и *шапка*, *сапог* и *лапоть*. Так, пара *сапог – лапоть* может воплощать противопоставление по гендерному признаку (арх. *ступить лаптем в дом* ‘родить первой девочку’ – арх. *ступить сапогом в дом* ‘родить первым мальчика’).

В **третьем параграфе** анализируются устойчивые сочетания, в составе которых представлено несколько наименований разных элементов костюма (например, печор. *не по Сеньке шапка, не по Фоме колтак* ‘кто-либо не ровня кому-то’), между которыми наблюдаются различные контекстные связи. Такие сочетания можно разделить на несколько групп. К первой относятся те, в состав которых входят слова, обозначающие однокатегориальные элементы одежды: печор. *тюнь да ўледь* ‘похожие в каком-либо отношении люди’ (ср. *тюнь, ўледь* ‘виды кожаной обуви’), костр. *жить как баха́р с лаптем* ‘о муже с женой’ (ср. *бахáр* ‘берестяной лапоть’), пск. *ни в шапку (шляпу), ни в колтак* ‘не кланяться кому-нибудь, не здороваться с кем-нибудь’. Во вторую группу входят выражения, содержащие обозначения разнокатегориальных элементов костюма: новг. *рубашка да фуражка* ‘совсем ничего нет у кого-либо’, печор. *катанцы до креста, а малица до хвоста* ‘насмешка над человеком, который нелепо оделся: будто валенки на нем высотой до креста на груди, а малица, наоборот, короткая – до копчика’. К последней группе относятся фразеологизмы со словами, значения которых связаны отношениями «часть – целое»:

литер. разг. *от жилетки рукава* ‘совсем ничего (нет, не осталось и т. п.)’, новг. *ни у шубы рукавов* ‘ничего не готово, не сделано, беспорядок во всем’.

Четвертый параграф содержит анализ отношений образного варьирования, проявляющихся между устойчивыми сочетаниями, которые имеют различные значения, но при этом в их внутренней форме представлен единый развернутый образ. В качестве материала для этого параграфа выбраны такие сочетания, которые содержат своеобразные номинативные клише с участием наименований одежды. Эти клише и создают единство образа. Ср., например, выражения, включающие в себя клише *сушить портянки (онучи)*: арх. *портянки на солнышке сушить можно* ‘о наступлении тепла, потеплении после холодов, морозов’, сиб., орл., курск. *хоть онучки суши* ‘о краснощеком, пышущем здоровьем человеке’, новг. *на одном солнышке портянки сушить* ‘о малой степени знакомства’, диал. б. м. *сушить с кем-либо онучи* ‘быть с кем-либо в близких, дружеских отношениях’, печор. *на ходу портянки сушит (сушишь)* ‘о быстром, энергичном человеке’. В нашем материале выделяются две группы номинативных клише – предикатные (*лапти плести, шубу шить, портянки (онучи) сушить, рукав (рукава) жевать, онучку (онучки) жевать, отрезать полы*) и атрибутивные (*красные сапоги, светлые пуговицы, красная шапка, не у шубы рукав*).

В ходе функционирования у сочетаний такого рода может сформироваться качественно новая символика, которая не сводится к сумме коннотаций слов, их составляющих. Так произошло с *красными сапогами*, образ которых представлен как в диалектной идиоматике (арх. *ступить в красный сапог* ‘неудачно выйти замуж’), так и в фольклорных текстах различного жанра (ср. легенду, согласно которой Александру Второму было предсказано, что он перед смертью обуется в красные сапоги, а также народную сказку, где герою-рассказчику после финального пира дарят пару красных сапог; показательна и загадка о свекле – «Красный сапог в земле горит»).

Третья глава «“Одежный” код в языке и культуре: традиция и современность. Этнолингвистические этюды» содержит ряд интерпретационных зарисовок.

В **первом параграфе** рассматриваются названия одежды, обуви и головных уборов, функционирующие в культурно-прагматическом контексте свадебного обряда. Нацеленность языка свадебного обряда на использование разработанной системы символов и способность наименований одежды к порождению символических смыслов обуславливают высокую продуктивность таких наименований при создании свадебной лексики и фразеологии. «Одежный» код используется как для обозначения различных этапов свадьбы (новг.

связать (сплести) лапти ‘приготовить девушку к замужеству’) и ее участников (прикам. *свахы-немытая рубаха* ‘свахы со стороны невесты’), так и в описании отдельных ритуалов, входящих в ее состав (ворон. *выкупать рубаху* ‘платить в день «вечерины молодецкой» за свадебный наряд жениха, шитый подругами невесты’). Таким образом, лексические единицы, в которых реализован «одежный» код, нужны для прямого описания манипуляций с различными элементами костюма в обряде, эстетизации художественного пространства текстов (так, в фольклорных произведениях сапоги являются обязательным атрибутом для жениха), а также для табуированного обозначения некоторых обрядовых ситуаций (ср. прикам. *выглядывать рубашку* ‘свидетельствовать о девственности молодой’).

Во **втором параграфе** на базе общенародных и диалектных языковых фактов, а также некоторых фольклорно-этнографических свидетельств анализируется параллелизм двух предметных кодов традиционной культуры – «одежного» и «пищевого». Такой параллелизм обусловлен высокой значимостью одежды и пищи как основных составляющих материальной культуры. На языковом уровне сходство «пищевого» и «одежного» кода проявляется, к примеру, в наличии модели «надеть одежду / пищу» → «избить, поколотить»: олон. *надавать колпаков* ‘надавать тумачков, колотушек’, новосиб. *портов прикупить* ‘выпороть, отхлестать’, дон., волг. *дать блин* ‘ударить кого-либо’, разг. *накормить (угостить) берёзовой кашей* ‘высечь, выпороть кого-либо’.

Наблюдаются отношения своеобразной аналогии между *лаптем* и *блином*. Оба предмета выступают как эталон простой вещи, ср. литер. *не блин испечь* ‘о непростом деле’, перм. *не лапоть плести* ‘то же’. Кроме того, у обоих слов наличествует коннотация обмана, измены: новг. *получить блин* ‘пережить измену’, ворон., новг., пск. *сделать (наделать, подвесить, сплести, подарить) лапти* ‘изменить, нарушить верность’.

Процесс говорения может ассоциироваться с приготовлением пищи и плетением лаптей: новг. *разводить квас (квасы)* ‘болтать, пустословить’, печор., сиб. *(целые) лапти плести (наплести)* ‘говорить вздор, пустяки, врать, сплетничать’.

Наконец, образы одежды и пищи используются для обозначения идентичности явлений (вещей) при небольшом внешнем различии (народн. *тот же блин, да подмазан*, курск., прикам. *та же шуба, только навыворот*), а также сходства людей, которое может метафорически объясняться единством «материала»: волог., калуж., нижегор. *нашего (одного) сукна епанча*, пск. *одним лыком шить, из одного (такого же) теста*, иркут. *одного замесу*.

В третьем и четвертом параграфах рассматривается материал современной разговорной речи и публицистики, что позволяет проследить, как преломляются и реализуются традиционные мотивы в языковом пространстве наших дней. В *третьем параграфе* изучается «новая» символика *лаптя*, который воспринимается как специфически национальная реалия и начинает осмысляться как своеобразный символ страны и ее исконной культуры. Это осмысление двойственно: с одной стороны, оно связывается с поиском маркеров «национальной идентичности» – и в этом случае одежным символам приписываются положительные коннотации, делается акцент на их престижности, ср. контексты: «“Вятский лапоть” — не просто народный праздник, это своего рода новый культурный бренд Кировской области», «В этот день в лаптях можно будет увидеть не только простых горожан, но и главу Великоустюгского района». С другой стороны, намеренная «реабилитация» культурных знаков в СМИ и рекламе не находит отклика у носителей языка: «Кто предложил-то такую ерунду – *вятский лапоть*?!?! Предложили бы еще *вятский дурак!*».

Амбивалентны и коннотации слова *сарафан*: с одной стороны, для праздника с народными забавами создается название «Сарафанный хоровод», с другой стороны, встречаются выражения вроде *национализм сарафанного типа*.

В современном украинском языке аналогом такого амбивалентно оцениваемого символа являются *шаровары*, ср.: «“Шароварщина!” Однажды пришлось услышать это в адрес человека, который шел по Крещатику в вышитой рубашке»; «Однако в Украине все же есть немало людей, которые не понимают, зачем реабилитировать шаровары, так как считают, что это всегда было качественно, классно и современно».

Четвертый параграф посвящен анализу сочетаний вроде *лапотный патриотизм* и *Русь посконная*. Лексемы, образованные от наименований одежды и обуви (*ушанка, сарафан, лапти*), а также материалов, из которых они изготавливаются (*посконь, сукно, сермяга, лыко*), устойчиво ассоциируются с народностью, исконностью, «русскостью». Наиболее ярким предметным символом, имеющим этот набор ассоциаций, для носителей русского языка оказывается *лапоть*, что объясняется значимостью реалии в традиционной культуре и широким спектром коннотаций, присущих данному слову. Среди названий материалов центральное место занимает *посконь* – во многом благодаря притяжению прилагательного *посконный* к словам *исконный* и *суконный*. Слово *сермяга* имеет коннотации простонародности и грубоватости.

В заключении обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ:

1. *Тихомирова А. В.* Новая жизнь старого символа: *лапоть* в культурно-языковом пространстве современной России / А. В. Тихомирова // Политическая лингвистика. 2012. № 1(39). С. 222–228. (0,8 п. л.)
2. *Тихомирова А. В.* *Лапотно-квасной патриотизм* и *Русь посконная*: к вопросу о русских национальных предметных символах / А. В. Тихомирова // Антропологический форум. 2013. № 18: Online. С. 334–342. (0,5 п. л.)
3. *Тихомирова А. В.* Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда / А. В. Тихомирова // Вестник Перм. ун-та. Сер. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1 (21). С. 43–50. (0,8 п. л.)

Другие публикации:

4. *Тихомирова А. В.* Социальная символика одежды в свете русской языковой традиции / А. В. Тихомирова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / [под ред. Е. Л. Березович]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 260–262. (0,13 п. л.)
5. *Тихомирова А. В.* О символике *красных сапог* в русском языке и культуре / А. В. Тихомирова // Слово в традиционной и современной культуре : тез. межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 15 мая 2010 г. / [под ред. Л. А. Феоктистовой]. Екатеринбург, 2010. С. 78–80. (0,13 п. л.)
6. *Тихомирова А. В.* Символика одежды персонажей народной религии в языковой и фольклорной традиции / А. В. Тихомирова // От конгресса к конгрессу : материалы II Всерос. конгресса фольклористов : сб. докладов. Т. 1. М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 182–189. (0,6 п. л.)
7. *Тихомирова А. В.* *Лапоть* в русской языковой традиции / А. В. Тихомирова // Живая старина. 2011. № 2. С. 53–56. (0,5 п. л.)
8. *Тихомирова А. В.* О метафорическом параллелизме в русской фразеологии (на материале лексико-фразеологических полей «ПИЩА» и «ОДЕЖДА») / А. В. Тихомирова // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения) : материалы Междунар. науч. симп. к 90-летию со дня рождения В. П. Жукова : в 2 т.

Т. 1 / сост., отв. ред. В. И. Макаров ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2011. С. 363–367. (0,3 п. л.)

9. *Тихомирова А. В.* Оппозиция «внешний – внутренний» в русской «одежной» метафоре / А. В. Тихомирова // Слово в традиционной и современной культуре : тез. III межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 21 мая 2011 г. Екатеринбург, 2011. С. 77–79. (0,2 п. л.)

10. *Тихомирова А. В.* Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда / А. В. Тихомирова // IX конгресс этнографов и антропологов России : тез. докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / редкол.: В. А. Тишков и др. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. С. 509. (0,04 п. л.)

11. *Тихомирова А. В.* Семантическая структура образований на *ряс-* в русском языке (на славянском фоне) / А. В. Тихомирова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы II Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. Ч. 2 / [ред. кол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 223–225. (0,2 п. л.)

Подписано в печать 24.10.2013. Формат 60 x 84¹/₁₆
Уч.-изд. л. 1,5. Усл. печ. л. 1,6. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано на ризографе в копировальном центре «Таймер».
г. Екатеринбург, ул. Луначарского, 136